

ВЛИЯНИЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ПРОЦЕССЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРЕССЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Л. А. Турпалов

Комплексный научно-исследовательский институт им. Х. И. Ибрагимова РАН

Поступила в редакцию 14 мая 2019 г.

Аннотация: одним из важных факторов свержения российского самодержавия в феврале 1917 г. стала поддержка демократических сил национальными окраинами. В статье рассказывается о той роли, которую играла местная пресса в данном процессе.

Ключевые слова: история отечественной журналистики, становление многопартийной национальной прессы.

Abstract: one of the important factors in the overthrow of the Russian autocracy in February 1917 was the support of democratic reforms in the peripheries.

Keywords: history of national journalism, formation of multi-party national press.

Февральская буржуазно-демократическая революция в России дала толчок развитию прессы не только в центре, но и в провинции, в частности в национальных областях Северного Кавказа. По мнению историков, поддержка демократических движений национальными окраинами стала важным фактором, позволившим свергнуть самодержавие. Между тем в провинциях, особенно национальных районах, соотношение сил не всегда было в пользу революционных, а от этого зависела и судьба местной печати. «По-разному в период активной фазы Февральской революции складывалась ситуация с формированием содержания провинциальных изданий», — подчеркивает историк отечественной журналистики А. А. Антонов-Овсеенко [1, 16]. Местные власти, в основном сохранившие верность самодержавию, преследовали прессу вплоть до закрытия газет и журналов. Столичная газета «Русское слово» писала: «В некоторых городах уже состоялось присоединение к новому правительству. Арестованы губернаторы, полиция. В других губернаторы и жандармские власти все еще запрещают печатание агентских телеграмм и конфискууют газеты» [2: 1917, 3 марта].

Однако именно в этот период в регионе стали складываться национальные движения и, как следствие, начали легально выходить издания различной политической направленности. На первом съезде представителей всех народов Северо-Кавказского края в мае 1917 г. во Владикавказе было провозглашено создание суверенного государственного образования Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. Сформированный на съезде

Временный центральный комитет Союза (с ноября 1917 г. — Горское правительство) стал выпускать газету «Горская жизнь». В резолюции съезда «О газете» говорилось: «Принимая во внимание необходимость тесной связи между разными членами общегорского союза и осведомления горцев относительно деятельности союзных организаций, а также наиболее видных, с горской точки зрения событий, съезд признает желательным, чтобы все сельские общества на территории горского союза выписывали печатный орган Центрального комитета объединенных горцев» [3, 47].

Это издание положило начало целой системе периодической печати, рассчитанной на все народности края. В основном они издавались во Владикавказе, который стал фактическим центром объединенного государственного образования народностей края — Терской области.

На этапе между Февральской и Октябрьской революциями система печати в крае была представлена как правыми изданиями, в основном буржуазно-демократического направления, так и левыми: от эсеров, меньшевиков до большевиков. Но часто на полосах одной и той же газеты можно было встретить публикации противоположного политического характера. «На Северном Кавказе, где политическая ориентация населения не была столь определенной, как в промышленных центрах России, — замечает М. Б. Каражаева, — революция представляла собой сложнейший конгломерат различных потоков — пролетарского, крестьянского, национально-освободительного и т.д. И, конечно же, эти потоки находились в различных связях и противоречиях друг с другом, порождая сложную психологическую реакцию у политических деятелей разного уровня и масштаба,

на которую влиял и уровень развития народа, чьи интересы они представляли» [4, 43]. Эти сложные процессы непосредственно отражались на развитии системы местной журналистики.

Выдвигаемые простым и доступным языком революционные лозунги большевиков пользовались большей популярностью, чем более выдержанные и менее понятные заявления просветительской интеллигенции Северного Кавказа. «Однако ошибочным было бы поддерживать бытовавшее еще в советские времена мнение, — пишет А. А. Антонов-Овсеенко, — будто бы только печать левого толка, в большей степени большевистская, работала на революцию: отнюдь не только левые партии призывали к свержению самодержавия» [1, 107].

Но надо признать, что новой ситуацией в национальных окраинах более эффективно воспользовалась большевистская партия. Сразу же после победы Февральской революции в марте 1917 г. в Грозном начала выходить газета «Известия Совета рабочих и военных депутатов» — первое большевистское периодическое издание на Северном Кавказе. Летом 1917 г. в Грозном увидел свет большевистский журнал «Буревестник». В то же время местная интеллигенция либерального направления не спешила с активными действиями в борьбе за власть.

В августе 1917 г. в Осетии начался выпуск большевистской газеты «Красное Знамя», которая была одновременно органом Терского областного и Владикавказского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Во Владикавказе стали также выходить «Вперед», «Бюллетень Терского областного народного совета» (через несколько номеров переименована в «Народную власть»), «Терский вестник», «Терский казак», «Кооперативная мысль», «Кавказская газета», «Ирон газет» (на осетинском языке), «Терская правда», «Кавказская правда», «Терский трудовой казак», «Революционный горец».

По мнению историка северокавказской журналистики З. Ю. Хуако, в Адыгее подобную активность в создании печатных органов, в отличие от других партийных движений, проявила большевистская организация, хотя вынуждена была вести свою деятельность в подполье и после февраля 1917 г. В мае в Майкопе стала выходить газета «Голос рабочего». Редактором был назначен М. Г. Свободин (Яков Дерман), последовательный революционер. Еще в 1903 году Г. В. Плеханов рекомендовал его В. И. Ленину для направления на Кавказ. Вышло всего пять номеров «Голоса» [5, 37]. Представление о направленности газеты можно составить по высказываниям сотрудницы редакции и жены редактора С. Я. Дальней-Дерман, в которых она характеризует «Голос рабочего» как орган местного революционного пролетариата. Но, как представляется, рабочий класс в Адыгее был немногочислен, и газета не имела серьезного влияния на массы.

Подтверждением этой точки зрения может служить и то обстоятельство, что в Майкопском совете рабочих и воинских депутатов и бюро профессиональных союзов преобладали эсеры. Соответственно, легально вышедшая в августе газета Совета «Голос труда», по характеристике исследователя З. Ю. Хуако, тоже выражала взгляды партии эсеров [5, 38].

Информационное пространство Дагестана тоже стало пополняться новыми изданиями различной политической ориентации. В Темир-Хан-Шуре начался выпуск органа местных временных властей «Голос Дагестана». Газета стояла на позициях Временного правительства. По этой причине она была причислена советской исторической наукой к реакционным изданиям и не удостоивалась внимания исследователей. Так, к контрреволюционной деятельности было причислено даже выражение на страницах «Голоса» слабой поддержки новой власти: «Временное правительство сделало очень много. И те, которые распускают слухи, будто оно бездействует, — обманывают народ, желая возбудить у нас междуусобие» [6: 1917, 23 апреля].

Распространителем таких слухов и главным оппонентом буржуазно-демократического лагеря в первую очередь выступала пресса большевистская. Возникшее в мае 1917 г. Дагестанское просветительно-агитационное бюро (ДПАБ) под руководством Уллубия Буйнакского и Гаруна Саидова попало под большевистское влияние и практически утратило свои изначально заложенные цели просвещения народа, превратившись в революционную ячейку. Благодаря усилиям ДПАБ, стали выходить газеты «Илчи» («Вестник») и «Чанна цуку» («Утренняя звезда») на лакском, «Заман» («Время») на аварском и кумыкском языках, общественно-политический и литературно-художественный журнал «Танг чолпан» («Утренняя звезда») — на кумыкском [7, 62].

Издания, поддерживаемые Дагестанским просветительно-агитационным бюро, сыграли важную роль в становлении прессы на дагестанских языках. Не все они придерживались одного политического направления. Все зависело от взглядов редактора и ведущих сотрудников.

Еженедельная литературно-общественная и политико-экономическая газета «Илчи», которой руководил сначала известный лакский публицист Гарун Саидов, а затем Курди Закуев, выделялась среди органов ДПАБ своей революционной направленностью. По утверждению историка дагестанской журналистики М. Ш. Гусейновой, пролетарский напор «Илчи» насторожил даже хозяина типографии, известного дагестанского просветителя и первопечатника Магомед-Мирзу Мавраева, а после 9-го номера он отказался ее печатать [8, 21].

Какое значение придавали прессе большевики в борьбе за власть и в вербовке сторонников своей партии, подчеркивают слова из статьи К. Закуева:

«Газета легко достигает того, что невозможно осуществить с помощью оружия. Люди, которых нельзя купить ни деньгами, ни золотом, легко прислушиваются к голосу газеты. Подобно тому как ветер толкает тучи к месту, точно так же и газета ведет людей к цели. Газета — истинное зеркало народа, партии и времени» [9: 1917, 16 июля].

Еженедельную газету «Чанна цуку» («Утренняя звезда»), которая стала выходить 19 августа 1917 г. в той же типографии М. Мавраева, исследователи на протяжении долгого времени называли приемницей «Илчи». Между тем, как утверждает М. Бутаев, это устоявшееся в историко-журналистской науке мнение ошибочно [10, 122]. Вероятно, чтобы воспользоваться плодами популярности первой лакской газеты, издатель «Чанна цуку» М. Мавраев в первом номере заявил, что она стала выходить в связи с закрытием «Илчи». Между тем новая лакская газета отличалась умеренностью, имела либерально-буржуазную направленность. На первой странице на видном месте было размещено объявление, что газета будет служить «дагестанству, мусульманству и человечности». За такую редакционную политику она тоже попала в немилость советской историко-журналистской науки. Вряд ли заслуживает издание, которое заложило основы для развития лакской журналистики, такую оценку: «В ней наряду с членами ДПАБ печатается разношерстная публика... Появляются здесь даже статьи ярого контрреволюционера Садуллы-Гаджи Хитинского. Основным активом газеты были представители буржуазной интеллигенции, духовенства, либерально настроенные люди» [11, 81]. И вместе с тем через абзац дается противоположная характеристика: «Чанна цуку» «сыграла положительную роль в пропаганде прогрессивных идей» [11, 82].

Кумыкский журнал «Танг чолпан» («Утренняя звезда»), первый номер которого увидел свет 20 августа 1917 г., историки относят к одному из самых интересных явлений в дагестанской журналистике. Издавался он литературно-театральным обществом дагестанских мусульман, но во многом направление журнала определял М. Мавраев.

Ведущими темами издания были народное просвещение, развитие национальной культуры. Такая программа совершенно не соответствовала устремлениям большевистской части членов просветительно-агитационного бюро. Редакция также не раз заявляла, что не связывает свою деятельность ни с одной политической партией и своей главной целью считает содействие просвещению народа. Если в отдельных публикациях и появлялась необходимость высказать политическую точку зрения, то она, как правило, была в поддержку Временного правительства. То есть издание придерживалось ориентации на буржуазно-демократическое устройство как всего государства, так и Дагестана. Редакция придерживалась мнения, что народы империи в результате Февральской ре-

волюции получили настоящую свободу и теперь «необходимо навести порядок в своем доме» [11, 84].

Политическая ориентированность на буржуазно-демократическое развитие страны вовсе не означала, что журнал не критиковал и Временное правительство, особенно за игнорирование чаяний народов окраин империи. «Танг чолпан» указывает на то, что правительство Керенского забыло лозунг о праве наций на самоопределение, но не призывает смести это правительство, а подсказывает, как надо строить национальную политику [11, 84]. Вместе с тем на страницах журнала появилась и статья одного из лидеров местных большевиков Улубия Буйнакского, в которой пропагандировались установки ленинской партии на текущую ситуацию [12: 1917, № 4]. И этот страстный призыв к свержению Временного правительства названо в исследовании, посвященном столетию журналистики Дагестана, крупным событием для того периода, но в то же время журналу, его опубликовавшему, дается негативная оценка как проводнику буржуазной идеологии [11, 85], который «прикрывался беспартийностью и в основном отражал мелкобуржуазные и националистические взгляды» [11, 86].

На большевистских позициях стояла и газета бюро «Заман» («Время»), выходившая на аварском и кумыкском языках. Издавала ее супруга известного дагестанского революционера Махача Дахадаева — Нафисат, а редактором был Муртазагаджи Фейзулла оглы. Благодаря найденному первому номеру «Заман» удалось установить, что она стала выходить 3 апреля 1917 г. В нем напечатано обращение Махача Дахадаева с призывом к дагестанскому народу сплотиться, чтобы продвигать дальше начавшуюся в России революцию [10, 100].

В типографиях Мавраева печатались и органы Военно-революционного комитета Дагестана и его секции РКП(б) «Ишчи халка» («Трудовой народ», редактор З. Батырмурзаев) на кумыкском языке, «ХалтГулел чагИ» («Трудовой народ», редактор А. Акаев) на аварском языке [13, 92].

Кроме изданий Дагестанского просветительно-агитационного бюро в области появились и другие новые органы печати, принадлежавшие различным политическим организациям и выражавшие интересы разных классов. Однако издания, не поддерживавшие большевистскую партию, были преданы забвению советской исторической наукой. К буржуазно-националистическим были отнесены «Мусават» («Равенство») на кумыкском языке, «Авристан» на аварском, «Джаридату Дагистан» на арабском, а также социал-демократическая газета меньшевистского толка «Вольный Дагестан». Даже тот факт, что газета «Петровская жизнь» предоставляла свои страницы для пропагандистских статей дагестанских большевиков, не дало ей индульгенцию от зачисления в лагерь буржуазных изданий, а значит, ре-

акционных. Нельзя не согласиться с утверждением историков дагестанской журналистики Д. Ахмедова и А. Камалова: «И так как указанные издания представляли собой противоположный лагерь, отличный от большевизма, то никто из исследователей печати не стал глубоко разбираться в них, анализировать содержание опубликованных материалов, оценивать их роль в истории народов Дагестана» [11, 88].

В советской исторической науке газеты «Мусават» и «Аваристан» были отнесены к реакционно-религиозным изданиям. Между тем Мавраев поддержал даже октябрьский переворот, правда, одновременно осуждая намерения большевистской партии национализировать и экспроприировать собственность помещиков и капиталистов. Он также подверг критике социалистический принцип всеобщего равенства как утопический. «По мнению тех, кто истолковывает эти лозунги, — писал он в статье «Свобода, равная для всех», — все дагестанцы — богатые и бедные, образованные и необразованные, умные и дураки, способные и неспособные, ученые и неучи, голодные и сытые — должны стать равными и одинаково равно пользоваться благами общества. Такого равенства в истории человечества не было и невозможно его осуществить» [14, 60].

К сожалению, целые пласты культуры, литературы, искусства, публицистики народов Северного Кавказа, созданные арабографическим письмом, были незаслуженно вычеркнуты из истории в соответствии с «классовым подходом» советской исторической науки. Царская национальная политика не содействовала развитию просвещения, издательского дела на национальных языках, но особенно и не препятствовала. Благодаря этой «терпимости» самодержавной власти, даже в условиях жестокой колониальной войны в горах Северного Кавказа складывалась определенная система культуры и просвещения.

Реакционными были объявлены в советский период все духовное наследие прошлого, религиозная литература, национальные обычаи и традиции. Виновыми перед еще не получившим распространение в крае марксизмом оказались и алфавиты, которые использовались для записи текстов литературно-художественных произведений, фольклора. Советская историческая наука рассматривала арабографическое письмо как составную часть идеологии ислама, церковнославянское — христианства.

Создаваемая народами Северного Кавказа на протяжении веков духовная культура была объявлена вредной, реакционной, привнесенной извне. Развернулась беспрецедентная по масштабам борьба с произведениями не только религиозного содержания, но и художественными. Речь об их изучении вообще не могла идти. «В результате такой оценки и такого подхода к культурному наследию прошлого в 20–30-х годах было уничтожено огромное количество рукописных и печатных книг, напи-

санных на арабском, дагестанских и других языках арабографическим письмом...», — пишет исследователь А. А. Исаев [13, 58]. Эта политика касалась всех народов советской страны. Но урон, нанесенный культуре малых народов, значительно больше, потому что, в отличие от крупных наций, их письменные памятники были немногочисленными, и в результате учиненной идеологической «расправы» они исчезли практически полностью.

Колониальная национальная политика царизма не способствовала развитию системы периодической печати на национальных окраинах. «В дореволюционной Кабарде и Балкарии газеты, журналы не издавались ни на кабардинском, ни на балкарском, ни на русском языках, — утверждает исследователь местной журналистики М. Х. Герандоков. — Это и понятно: при безграмотности населения, отсутствии у него своей письменности, без заботы со стороны власть имущих о просвещении народа не могло быть и речи об издании... газет и журналов» [15, 5]. Такая же ситуация была в Ингушетии, Карачаево-Черкесии, у малых народностей Дагестана.

Нужно отметить, что дооктябрьская пресса народностей Северного Кавказа не сформировалась как система дифференцированной печати. Местные издания, как правило, заявлялись как общенациональные. Однако каждый печатный орган все-таки имел, хотя и слабо выраженную, но политическую ориентацию. Нельзя не согласиться с характеристикой российской, в том числе и национальной, печати 1917 г., данной исследователем А. А. Антоновым-Овсеенко: «...Вся история российских массмедиа, чей выпуск относится к периодам социальных потрясений, говорит о том, что, когда в отношении печатных или других СМИ заходит речь о «беспартийности», это наверняка означает, что то или иное издание будет особенно жестко ориентировано на интересы властных верхов» [1, 81].

Местные большевики использовали эти издания для пропаганды революционных идей. Например, грозненские социал-демократы принимали участие в работе газеты «Терец», редактором которой являлся первый чеченский журналист Денильбек Джемалдинович Шерипов [16, 19].

Провозглашенное большевиками право наций на самоопределение было поддержано горцами во многом благодаря пропаганде в печати. Печатные СМИ издавались усилиями немногочисленной национальной интеллигенции. «...Большевики смогли привлечь их на свою сторону, выдвинув лозунг новой национальной политики в России, — отмечает исследователь северокавказской прессы Х. А. Текеева. — Правда, затем советская власть, на успех которой они работали, сама с ними и расправилась самым жестоким образом» [17, 18].

Февральская революция способствовала не только росту количества изданий в целом, но прежде все-

го увеличению выпуска именно партийных изданий, а политическая литература стала пользоваться колоссальным общественным спросом. По утверждению А. А. Антонова-Овсеенко, «...этот масштабный всплеск издательских инициатив стал свидетельством появления принципиально нового, свободного качества прессы России — прессы, выходящей уже в условиях основных демократических свобод, включая свободу слова» [1, 121]. Он выделяет и основные признаки нового качества российской печати, такие как возможности свободного высказывания суждений по вопросам формирования новой власти; по вопросам войны, вплоть до отрицания необходимости ее дальнейшего ведения; пропаганды различных взглядов на вопросы собственности; открытой полемики с политическими противниками; обсуждения новых порядков армейского подчинения и формирования задач для вновь создаваемых органов правопорядка внутри страны. Обсуждение таких острых вопросов находилось под запретом в эпоху самодержавия. То есть в стране стала складываться реальная многопартийность, которая обеспечивала представительство интересов различных слоев населения, многочисленных народностей. Период от февраля до октября 1917 г. в корне отличался как от самодержавного, так и последовавшего большевистского режимов.

Однако дифференциация по партийному признаку была больше характерна для столичной прессы, чем провинциальной, и тем более национальной. Исследователь журналистики периода политических катаклизмов 1917 г. А. А. Антонов-Овсеенко также подчеркивает, что при использовании термина «партийная печать» по отношению к изданиям того времени, в особенности национальным, необходимо учитывать значительную долю условности [1, 123]. Вместе с тем дооктябрьская северокавказская журналистика, по утверждению Ю. В. Хоруева, «...неразрывно связана с характером общественного движения в России и на Тереке и имеет свои специфические особенности... Главное своеобразие заключалось в том, что она развивалась на почве не только социальных и классовых различий, но и сложных межнациональных отношений» [18, 3].

Между тем без исследования всего разнообразия журналистики многонациональной России на разных этапах развития история отечественных СМИ будет неполной и неполноценной, не охватит всего богатства местной периодики, не будет выявлена ее роль в развитии всей страны.

*Комплексный научно-исследовательский институт
им. Х. И. Ибрагимована РАН*

*Турпалов Л. А., кандидат исторических наук, ведущий
научный сотрудник*

E-mail: turpalov@list.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов-Овсеенко А. А. Роль периодической печати в формировании общественного сознания в России в 1917 г.: дис. ... д-ра филол. наук / А. А. Антонов-Овсеенко. — Тверь, 2013. — 400 с.
2. Русское слово. Б/п Б/з // Русское слово. — 1917. — 3 марта.
3. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы / Отв. ред. А. И. Османов. — Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1994.
4. Каражаева М. Б. Становление системы журналистики Северной Осетии: Путь к автономии, 1917–1924 гг.: дис. ... канд. филол. наук / М. Б. Каражаева. — Санкт-Петербург, 2003.
5. Хуако З. Ю. Мир печати Адыгеи / З. Ю. Хуако. — Майкоп, 2003.
6. Голос Дагестана. — 1917. — 23 апр.
7. Ахмедов Д. Периодическая печать Дагестана (1900–1940) / Д. Ахмедов. — Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963.
8. Гусейнова М. Ш. «Илчи»: новое рождение / М. Ш. Гусейнова // Пресса Дагестана: история, типология: Сборник статей. — Махачкала: ДГУ, 1998. — С. 21–28.
9. Илчи. — 1917. — 16 июля.
10. Бутаев М. Д. Большевистская печать Дагестана / М. Д. Бутаев. — Махачкала: Дагкнигоиздат, 1988.
11. Ахмедов Д. Столетие дагестанской прессы (история возникновения, становления и развития журналистики Страны гор) / Д. Ахмедов, А. Камалов. — Махачкала: Союз журналистов РД, 2006.
12. Танг чолпан. — 1917. — № 4.
13. Исаев А. А. Магомедмирза Мавраев — первопечатник и просветитель Дагестана / А. А. Исаев. — Махачкала: Даг. НЦ РАН, 2003.
14. Республика в зеркале газеты «Дагестанская правда». — Махачкала: Дагкнигоиздат, 2000
15. Герандоков М. Х. Из истории развития печати в Кабардино-Балкарии / М. Х. Герандоков. — Нальчик, 1989.
16. Дыхаев В. А. Пресса, рожденная Октябрем (1917–1932 гг.) / В. А. Дыхаев, Э. А. Исаев. — Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1975.
17. Текеева Х. А. Национальная печать Северного Кавказа: формирование, структура, тенденции (на материалах периодики Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Осетии. 1920–1936 гг.): дис. ... канд. филол. наук / Х. А. Текеева. — М., 2003.
18. Хоруев Ю. В. Печать Терека и царская цензура / Ю. В. Хоруев. — Орджоникидзе: Изд-во «Ир», 1971.

*Complex Institute of the Russian Academy of Sciences named
after Kh. Ibragimov*

Turpalov L. A., Candidate of History, Leading Researcher

E-mail: turpalov@list.ru